

УДК 316.4

Регион: экономика и социология, 2015, № 3 (87), с. 123–145

З.И. Калугина, О.П. Фадеева, С.В. Братющенко

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛЯРИЗАЦИЯ СЕЛЬСКОГО ПРОСТРАНСТВА РОССИИ

В статье представлены результаты кластеризации сельских регионов России по социально-демографическим и экономическим критериям, выполненной методом К-средних. Выявлены факторы региональной поляризации развития агропродовольственного комплекса. Показано, что сельское пространство России поляризовано вследствие действия природно-климатических, географических, этнических и экономических факторов, которые определяют потенциал развития сельских территорий. В основу экономической кластеризации регионов положены показатели инвестиционных вложений, эффективности и рентабельности аграрного производства, структуры по категориям хозяйств. Показано, что потенциал развития регионов имеет устойчивую социально-экономическую природу, выявлены взаимосвязь и взаимозависимость развития человеческого потенциала и сельского развития. Географическое размещение выделенных кластеров представлено на карте. Информационную базу исследования составили статистические данные, а также материалы специальных выборочных исследований, проведенных органами государственной статистики РФ. Результаты анализа могут быть полезны органам исполнительной власти при разработке программ социально-экономического развития сельских территорий и при обосновании стратегических направлений реиндустриализации агропромышленного комплекса.

Ключевые слова: социально-экономическая поляризация, кластеризация регионов, социально-демографический потенциал, трудовой потенциал, перспективы развития

Международные санкции и ответные действия правительства России по введению продовольственного эмбарго ограничили ввоз сельскохозяйственной продукции из США, стран Европейского союза, Канады, Австралии и Норвегии. Перед российским аграрным сектором поставлена задача импортозамещения основных продовольственных товаров. Выполнение этой задачи связано с резким увеличением объемов производства продовольственной продукции отечественными товаропроизводителями. Возникает вопрос: посильно ли это российскому АПК? Располагают ли сельские регионы страны достаточным социально-демографическим, экономическим и человеческим потенциалом для быстрого реагирования и выполнения поставленных задач? Попытаемся ответить на этот вопрос путем типологического анализа развития сельских территорий России и оценки их социально-экономического потенциала.

Для выявления и иллюстрации многообразия социально-экономического развития сельских территорий России была осуществлена кластеризация сельских регионов по экономическим критериям. Кластерный анализ выполнен методом К-средних, в котором для разбиения регионов на N кластеров минимизируются их евклидовы расстояния до центров кластеров. Информационной базой послужили данные государственной статистики, отражающие вклад каждой группы регионов в производство продукции растениеводства и животноводства, эффективность, рентабельность и структуру производства по категориям хозяйств, уровень оплаты труда работников сельского хозяйства¹.

В результате автоматического группирования сельских регионов по выделенным переменным вычленено шесть групп сельских регионов, различающихся по основным социально-экономическим показателям развития. Полученные кластеры представлены в табл. 1 и показаны на рисунке, а конкретные социально-экономические индикаторы по всем выделенным кластерам приведены в табл. 2.

---

¹ См.: *Регионы России: Социально-экономические показатели*. 2013: Стат. сб. / Росстат. – М., 2013; *Сельское хозяйство, охота и охотничье хозяйство, лесоводство в России*. 2013: Стат. сб. / Росстат. – М., 2013.

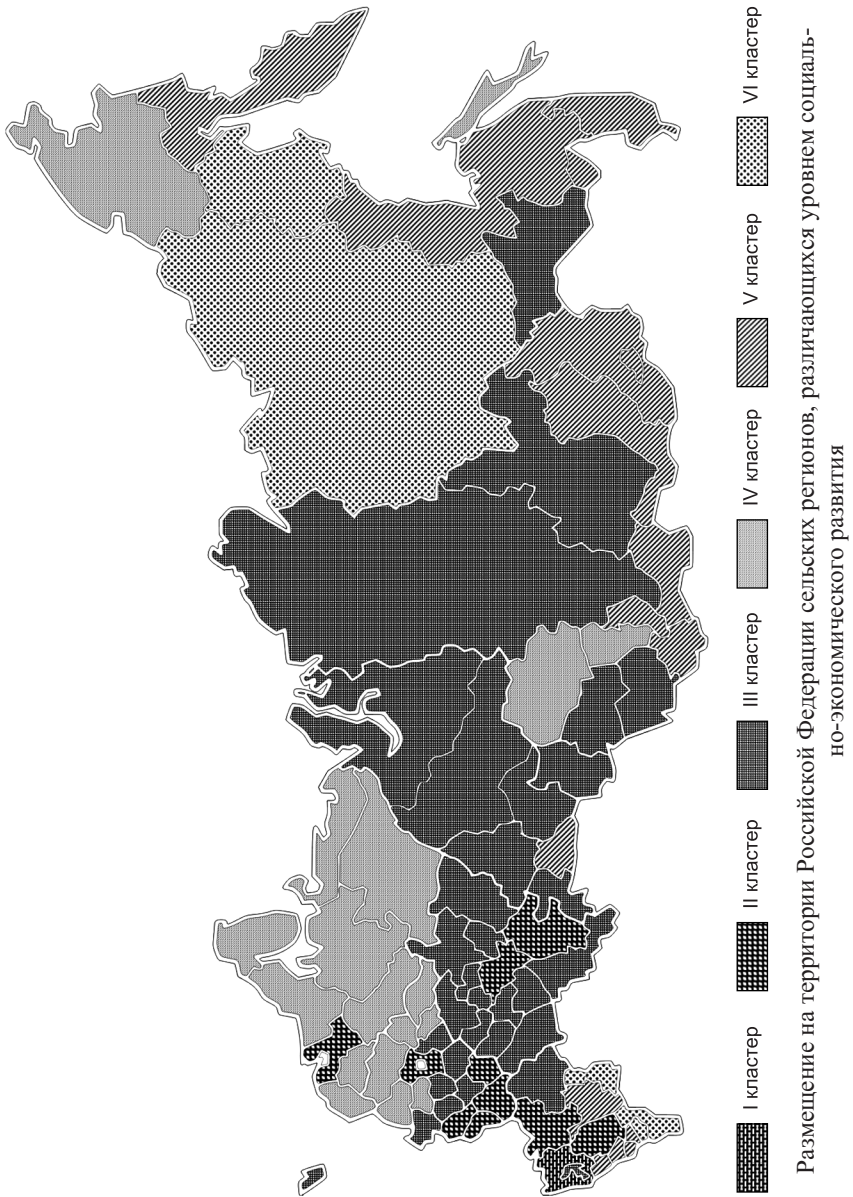

Таблица 1

Распределение сельских регионов по кластерам экономического развития

Кластеры	Регионы
I кластер: один регион – безусловный лидер в производстве сельскохозяйственной продукции	Краснодарский край
II кластер: 10 регионов – эффективные, инвестиционно привлекательные	Белгородская обл., Воронежская обл., Курская обл., Ленинградская обл., Московская обл., Республика Башкортостан, Республика Татарстан, Ростовская обл., Ставропольский край, Тамбовская обл.
III кластер: 30 регионов – основные производители сельхозпродукции, обладающие высоким аграрным потенциалом	Алтайский край, Амурская обл., Брянская обл., Владимирская обл., Волгоградская обл., Иркутская обл., Калининградская обл., Кировская обл., Красноярский край, Липецкая обл., Нижегородская обл., Новосибирская обл., Омская обл., Оренбургская обл., Орловская обл., Пензенская обл., Пермский край, Республика Адыгея, Республика Марий Эл, Республика Мордовия, Рязанская обл., Самарская обл., Саратовская обл., Свердловская обл., Тульская обл., Тюменская обл., Удмуртская Республика, Ульяновская обл., Челябинская обл., Чувашская Республика
IV кластер: 17 регионов неаграрного профиля. Деградирующие районы Нечерноземья и северные территории с неблагоприятными природно-климатическими условиями	Архангельская обл., Вологодская обл., Ивановская обл., Калужская обл., Кемеровская обл., Костромская обл., Мурманская обл., Новгородская обл., Псковская обл., Республика Карелия, Республика Коми, Сахалинская обл., Смоленская обл., Тверская обл., Томская обл., Чукотский АО, Ярославская обл.
V кластер: 15 регионов – восточное приграничье с низкой плотностью населения, кавказские республики с ограниченными земельными ресурсами	Еврейская авт. обл., Забайкальский край, Кабардино-Балкарская Республика, Камчатский край, Карачаево-Черкесская Республика, Курганская обл., Приморский край, Республика Алтай, Республика Бурятия, Республика Ингушетия, Республика Калмыкия, Республика Северная Осетия – Алания, Республика Тыва, Республика Хакасия, Хабаровский край
VI кластер: 5 регионов – отдаленные северо-восточные и южные регионы с преимущественным развитием домашних и фермерских хозяйств	Астраханская обл., Магаданская обл., Республика Дагестан, Республика Саха (Якутия), Чеченская Республика

Таблица 2

**Средние показатели, характеризующие уровень экономического развития
по классам сельских регионов, 2012 г.**

Показатель	Номер кластера / число регионов в кластере					
	1 (N = 1)	2 (N = 10)	3 (N = 30)	4 (N = 17)	5 (N = 15)	6 (N = 5)
Уд. вес убыточных сельскохозяйственных организаций, % от общего числа организаций	23,4	23,2	24,3	42,1	30,1	53,6
Инвестиции в основной капитал, млн руб. (на регион в кластере)	21383,8	11304,8	3864,9	1831,5	549,7	309,2
Рентабельность растениеводства, % (на регион в кластере)	21,8	13,8	8,4	-2,7	9,0	-16,2
Рентабельность животноводства, % (на регион в кластере)	7,7	11,9	10,4	-2,0	-2,5	-23,8
Урожайность зерновых, ц с 1 га убранной площади (на регион в кластере)	41,2	24,7	17,1	13,9	19,4	13,0
Надой молока, кг (на регион в кластере)	5867,0	5020,4	4427,8	4633,4	2778,0	2591,6
Уд. вес кластера в общем объеме продукции растениеводства, %	10	33	41	7	6	3
Уд. вес кластера в общем объеме продукции животноводства, %	5	30	42	9	9	5
Уд. вес сельскохозяйственных организаций кластера в общем объеме продукции сельского хозяйства, %	58,0	56,6	48,2	55,5	20,3	14,6
Уд. вес хозяйств населения в общем объеме продукции сельского хозяйства, %	27,2	35,9	44,5	40,6	65,9	60,3
Уд. вес крестьянских (фермерских) хозяйств в общем объеме продукции сельского хозяйства, %	14,8	7,5	7,3	3,9	13,8	25,1
Среднемес. начислен. зарплата, руб. на одного работника сельского хозяйства	16735,6	16269,9	12895,8	16492,1	9810,3	10618,5
Продукция сельского хозяйства, млн руб.	234524,0	106147,4	47040,0	15615,0	15518,4	25202,0

В отдельный кластер вычленился Краснодарский край, имеющий самые высокие социально-экономические показатели развития аграрного сектора. Его называют «жемчужиной» России, главной житницей и лидером в агропромышленном комплексе страны. Это один из основных регионов, обеспечивающих продовольственную безопасность России. Общая земельная площадь в крае составляет более 7,5 млн га. На долю его сельскохозяйственного комплекса приходится приблизительно 4,75 млн га (данные министерства природных ресурсов и лесного хозяйства Краснодарского края за 2012 г.), в том числе 3,9 млн га пашни. Под зерновыми культурами занято 2045 тыс. га, под садами – 71 тыс., под виноградниками – 32 тыс. га площадей.

Краснодарский край поставляет до 11% производимого в стране зерна (в том числе 84% риса и 40% зерновой кукурузы), 27% сахарной свеклы, 20% семян подсолнечника, более 50% винограда, весь объем чайного листа, а также значительный объем цитрусовых культур. Кубань – лидер в производстве животноводческой продукции в Южном федеральном округе. Здесь производится 38% молока, 37% мяса, 36% яиц от общего объема сельскохозяйственной продукции округа. Край занимает первое место в России по производству зерна, сахарной свеклы, плодов и ягод, второе – по производству скота и птицы на убой, третье – по производству яиц, четвертое – по производству овощей и молока.

Сельскохозяйственную продукцию в Краснодарском крае производят более 20 тыс. состоящих на самостоятельном балансе предприятий, среди них – свыше 12,5 тыс. действующих крестьянских (фермерских) хозяйств. Имеется 800 тыс. личных подсобных хозяйств. Производством пищевой продукции и переработкой сельскохозяйственного сырья в крае занимаются около 300 комбинатов, фабрик и заводов, а также более 2,5 тыс. малых предприятий и подсобных хозяйств². Урожайность зерновых культур в этом регионе превышала аналогичные показатели других выделенных кластеров примерно в 1,5–2,5 раза. Надои молока в Краснодарском крае в расчете на одну корову более чем в 2 раза превосходили аналогичные показатели ре-

---

² См.: *Сельское хозяйство Краснодарского края*. – URL: <http://krasnodar.ru/content/588/show/49564>.

гионов, вошедших в состав пятого и первого кластеров. При этом для Кубани характерно масштабное развитие фермерских хозяйств.

Лидирующие позиции по основным социально-экономическим показателям развития сельскохозяйственного производства занимают 10 регионов, вошедших во второй кластер. Это преимущественно регионы, расположенные на юге страны и в Центрально-Черноземной зоне, а также прилегающие к крупным столичным агломерациям Московская и Ленинградская области. Для них характерны применение инновационных технологий и относительно высокие масштабы инвестиций в сельское хозяйство. Хотя величина этих инвестиций была вдвое меньше, чем в Краснодарском крае, она значительно превышала их масштабы во всех остальных кластерах, что предопределило технико-технологическую модернизацию аграрного комплекса регионов второго кластера и обеспечило их более высокие показатели рентабельности продукции животноводства и растениеводства, а также урожайности зерновых культур и продуктивности животных. В этой группе регионов самый низкий удельный вес убыточных сельскохозяйственных организаций: 23,2% против 53,6% в шестом кластере и 42,1% – в четвертом. В целом сельские территории этой группы производят одну треть всей сельскохозяйственной продукции в стране. При этом главенствующую роль в производстве продукции играют крупные сельскохозяйственные организации, на долю хозяйств населения приходится 36%, а удельный вес продукции крестьянских (фермерских) хозяйств в данном классе регионов составляет 7,5%. Среднемесячная заработная плата превышает соответствующий показатель менее успешных регионов более чем в 1,5 раза. Тем не менее ее величина даже в процветающем Краснодарском крае значительно меньше средней заработной платы по экономике в целом (см. табл. 2). Аграрный труд повсеместно недооценивается.

В эту же группу входят сельские территории Республики Татарстан и Республики Башкортостан, где на развитие сельских территорий и поддержку аграрного производства выделяются значительные средства, а население сохранило традиционные навыки ведения сельского хозяйства. В Татарстане в сельском хозяйстве занято около 10% населения, в Башкортостане – 15%. Республики устойчиво входят

в число крупнейших российских производителей сельхозпродукции. Башкортостан занимает шестое, а Татарстан – третье место в Российской Федерации по производству сельскохозяйственной продукции. Кроме того, Татарстану принадлежит первое место по производству молока, второе – по валовому сбору картофеля, третье – по объему производимого мяса скота и птицы³.

Важнейшими факторами поддержания отрасли в Татарстане, по мнению экспертов из Независимого института социальной политики, являются мощные дотации и трудовая этика татарского села, которая проявляется во всех элементах сельского уклада жизни. Села республики более благоустроены по сравнению с соседними русскими поселениями, сохранились традиции ведения большого подсобного хозяйства, совместного строительства жилья. Оставаясь более патриархальным, татарское село оказалось более жизнеспособным в кризисный период по сравнению с маргинализирующимися русскими деревнями, особенно в Нечерноземье. Более половины валовой продукции отрасли обеспечивают малые формы хозяйствования [2].

Помимо природных и географических сказывается влияние и других факторов, в частности объема инвестиций в основной капитал. Его величина различается по выделенным кластерам многократно и колеблется в пределах от 309,2 млн руб. в среднем на регион в шестом кластере до 21383,8 млн руб. – в первом. Инвестиционная политика в регионах во многом определяет уровень рентабельности сельскохозяйственного производства (см. табл. 2).

Обращают на себя внимание также наблюдаемые различия в формах организации сельскохозяйственного труда. Структура производства по категориям хозяйств существенно дифференцирована. В успешных кластерах в объемах произведенной продукции выше доля сельскохозяйственных организаций и меньше доля хозяйств населения. Удельный вес последних в производстве сельскохозяйственной продукции варьирует по кластерам в диапазоне от 27 до 66%. Крестьянские (фермерские) хозяйства в наибольшей степени развиты в пятом кластере. Здесь, с одной стороны, из-за природно-климатических

---

³ См.: *Регионы России: Социально-экономические показатели*. 2013.

особенностей регионов ограничены возможности для ведения крупного аграрного производства (Якутия, Магаданская и Сахалинская области), а с другой стороны, развитие производства сдерживалось в силу сложившихся социально-политических обстоятельств (Чеченская Республика и Дагестан).

Белгородская область, входящая в состав лидирующих сельских регионов России, уникальна с точки зрения успешной реализации амбициозных проектов в сфере животноводства, ставшего драйвером роста агропродовольственного комплекса в целом. Несмотря на скромные площадь территории и численность населения, по которым область занимает соответственно 67-е и 30-е места среди российских регионов, а ее доля в суммарной площади сельскохозяйственных угодий составляет всего лишь 1% (в площади пашни – 1,3%), Белгородская область прочно обосновалась в рейтинге крупнейших агропроизводителей страны.

В 2013 г. сельхозпредприятия Белгородской области смогли произвести почти пятую часть (18%) общероссийского объема мяса, в том числе 27,5% свинины и 16,2% мяса птицы. При этом символический рубеж в 1 млн т мяса скота и птицы им удалось впервые преодолеть в запомнившемся чрезвычайной засухой 2010 г. Уже через три года этот результат был превзойден в 1,5 раза. Объем производства мяса в 2013 г. достиг 1,5 млн т, в 5 раз превысив уровень признанного наиболее удачным в советской истории Белогорья 1990 г. Нынешний удельный показатель производства мяса – чуть меньше 1 т в расчете на каждого жителя области. В 2012 г. Белгородская область смогла приблизиться к лучшим мировым показателям эффективности использования земли: она является единственным в России регионом, где объемы произведенной сельскохозяйственной продукции на 1 га пашни превысили 100 тыс. руб. (в 2013 г. этот показатель составил 102,9 тыс. руб., в 2014 г. – 123,9 тыс. руб.) [1].

Причина впечатляющих достижений аграрного сектора Белгородской области лежит в его глубоких преобразованиях, начало которых совпало с претворением в жизнь основных направлений приоритетного национального проекта «Развитие АПК». В регионе была сделана ставка на создание вертикально интегрированных агро-

холдинговых структур, широко применяющих инновационные технологии выращивания племенного скота, свиней и птицы и обеспечивающих логистическую цепочку «от поля до прилавка». Закрытый цикл крупнейших холдингов с такими узнаваемыми брендами, как ГК «Мираторг», ГК «Агро-Белогорье», ЗАО «Приосколье» и др., включает помимо основной деятельности по производству и переработке мяса также вспомогательные сферы, задача которых – обеспечить устойчивость профильных направлений в условиях колебания рыночных цен и природно-климатических изменений, а также увеличивать долю добавленной стоимости в продукции. Речь идет о выделении в рамках одной бизнес-группы специализированных компаний, которые занимаются выращиванием сельскохозяйственных культур и обеспечением разнообразной и сбалансированной кормовой базы для крупных животноводческих комплексов, утилизацией их отходов, а также совершенствованием собственной племенной и семеноводческой базы.

Столь быстрый рост аграрного производства в Белгородской области и успешная реализация «белгородской» модели хозяйствования не могли бы состояться без участия региональной власти в конструировании и поддержке крупных вертикально интегрированных структур, в привлечении федеральных и региональных инвестиций в строительство производственных комплексов и технико-технологическую модернизацию отрасли в целом, а также в создании условий для функционирования многоукладной сельской экономики. Параллельно с «агрохолдинговым строительством» в регионе с 2007 г. начала действовать многопрофильная программа развития на селе малого бизнеса «Семейные фермы Белогорья», которая наряду с решением проблемы занятости работников, высвобождаемых в процессе индустриализации производства, способствовала возрождению традиционных видов хозяйства (производство и переработка молока, пчеловодство, кролиководство и др.), обогащению ассортимента производимого продовольствия и увеличению поставок на рынок качественной фермерской продукции [9].

Аграрная политика региональных властей изначально базировалась на согласовании интересов крупных компаний и региона, а также

на установлении устойчивых приоритетов его социально-экономического развития. Это стало возможным в том числе и потому, что в середине 2000-х годов область выкупила у собственников земельных долей более 40% пахотных земель для последующей сдачи их в аренду сельхозпроизводителям, что стало мощным рычагом управления. Подобная мера, которую мы назвали «прививкой лояльности», заставляет крупные аграрные фирмы чутко реагировать на предлагаемые властью технологические нововведения, заниматься диверсификацией бизнеса и участвовать в профессиональной подготовке кадров для нужд отрасли на основе интеграции с учреждениями начального и среднего профессионального образования. Обычной практикой крупных компаний стало их активное спонсорство деятельности сельских администраций, школ, детсадов, домов культуры и других социальных учреждений, а также инвестирование разнообразных социальных проектов по благоустройству сельских территорий.

Благодаря механизмам частно-государственного партнерства, которые наряду с комплексом принуждений включают и другие формы сотрудничества представителей власти, науки и бизнеса, Белгородская область смогла занять лидерские позиции в решении экологических проблем и распространении специальных технологий, нацеленных на сохранение и повышение плодородия почвы. Начиная с 2011 г. на территории области действует программа «Внедрение биологической системы земледелия», рассчитанная на 7 лет. Она должна обеспечить переход основной массы сельхозпроизводителей на адаптивно-ландшафтную и прецизионную (точную) системы земледелия, включение в севообороты многолетних трав и сидеральных культур, замещение минеральных удобрений за счет увеличения объемов внесения пожнивных остатков и органики, в том числе получаемых при переработке отходов с животноводческих площадок, и др. В качестве «побочного» продукта биологической системы земледелия можно назвать также ввод в действие единственной в России сертифицированной биогазовой станции, вырабатывающей тепло- и электроэнергию из отходов растениеводства и животноводства с производством высокоэффективного биологического удобрения.

Пятилетняя позитивная динамика урожайности основных сельскохозяйственных культур, не прерванная природными аномалиями последних лет (недостаток осенней влаги, значительный перепад температур в зимний период, частые возвратные заморозки весной, высокие температуры и отсутствие дождей в период вегетации сельскохозяйственных растений), свидетельствует об успешности принятых в Белгородской области мер по повышению устойчивости земледелия. В 2011 г. урожайность зерновых и зернобобовых культур, составляющих основу комбикормовой промышленности региона, достигла 33 ц/га, в 2012 г. – 34,2, в 2013 г. – 37,5 ц/га. В 2014 г. белгородские аграрии смогли собрать 3,5 млн т зерна и побить очередной рекорд урожайности. В среднем по области урожайность взлетела до 49,8 ц/га, что вывело область по этому показателю на первое место среди регионов Центрального федерального округа и дало ей возможность приблизиться к уровню более благополучного в природно-климатическом отношении Краснодарского края [6], где урожайность зерновых в 2014 г. составила 56 ц/га. Для руководителей области достигнутые рубежи стали весомым аргументом при формировании следующих амбициозных планов: обеспечить ежегодное производство зерновых и зернобобовых культур на уровне не менее 4 млн т.

Подобные результаты не даются даром. По оценке губернатора Белгородской области Е.С. Савченко, за последнее десятилетие (с 2005 по 2014 г.) на создание высокотехнологичного и конкурентоспособного агропромышленного комплекса региона было затрачено более 206 млрд руб. инвестиций из средств государственных программ и бизнеса, причем источником примерно двух третей государственных инвестиций стали средства федеральных программ поддержки аграрного сектора.

Значительная сумма капиталовложений позволила практически полностью сформировать технологическую базу мясного животноводства. К 2012 г. в Белгородской области были введены в эксплуатацию все мощности по производству и переработке мяса птицы, в 2015 г. ожидается полное завершение строительства и оснащения свиноводческих и мясоперерабатывающих производств, что даст возможность

выйти на производство 750 тыс. т свинины в год. Введение в 2014 г. в качестве контрсанкций запрета на ввоз в Россию импортного продовольствия и девальвация отечественной валюты «сыграли на руку» белгородским производителям, которые благодаря этому не только смогли укрепить свои конкурентные преимущества, но и продемонстрировали высокий потенциал импортозамещения и экономического роста. При наличии освободившихся рыночных ниш представители аграрного бизнеса в сотрудничестве с руководством области декларируют необходимость продолжения активной инвестиционной политики. В регионе подготовлено более сотни инвестиционных проектов, которые предусматривают развитие как традиционных направлений, так и новых. К числу последних относятся проекты развития тепличного комплекса (овощеводство в защищенном грунте), семеноводства, производства плодово-ягодных культур, ветеринарных препаратов, биологических и кормовых добавок, аквакультур.

Оценочная стоимость этих проектов, рассчитанных на ввод в действие до 2018 г., составляет около 92 млрд руб.⁴ Получение такого объема финансовых ресурсов в сложившихся условиях удорожания заемных средств и усиливающейся дефицитности федерального и областного бюджетов представляется весьма проблематичным. Кроме того, серьезным риском для будущего развития созданного в Белгородской области агропродовольственного комплекса остается значительная закредитованность действующих предприятий, в первую очередь входящих в состав крупных агрохолдингов. По данным системы СПАРК-Интерфакс⁵, на конец 2013 г. общая сумма долгосрочных кредитов и займов 220 белгородских компаний составляла более 88 млрд руб., краткосрочных – около 44,6 млрд руб. Для сравнения: на ту же дату показа-

⁴ См.: *Из выступления* губернатора Белгородской области Е.С. Савченко на заседании Совета при полномочном представителе Президента Российской Федерации в Центральном федеральном округе «Социально ответственное инвестирование в сельское хозяйство: реализация баланса интересов» по вопросу о значимых инвестиционных проектах в агропромышленном комплексе Белгородской области, 18.03.2015. – URL: <http://savchenko.ru/events/2998.html> .

⁵ См. сайт Системы профессионального анализа рынков и компаний (URL: <http://www.spark-interfax.ru/Front/Index.aspx>).

тели суммарной закредитованности 500 компаний Алтайского края оказались в разы ниже – 24,6 и 16,8 млрд руб. соответственно.

Наиболее наполненный третий кластер образуют сельские регионы Центрального Черноземья, Поволжья, а также пригодные для земледелия часть регионов Западной Сибири и Урала, которые производят более 40% сельскохозяйственной продукции. Здесь основными товаропроизводителями являются сельскохозяйственные организации и хозяйства населения. Крестьянские (фермерские) хозяйства производят менее 10% сельхозпродукции. Относительно высокие инвестиции в основной капитал обеспечили рентабельность растениеводческой и животноводческой продукции.

Тем не менее с учетом сложности ведения сельского хозяйства в поволжских, уральских и сибирских регионах, попавших в данный кластер, инвестиционных ресурсов для масштабной модернизации технической базы отрасли у них явно недостаточно. Судя по низким показателям урожайности зерновых (17,1 ц/га) и надоев молока (4427,8 кг), сельхозпроизводители этой группы еще не смогли технологически «нивелировать» природно-климатический фактор и обработать наиболее эффективные для их местностей, включая зоны рискованного земледелия, способы выращивания растениеводческой и животноводческой продукции. В силу дефицита средств, выделяемых на интенсификацию производства, развитие идет по экстенсивной траектории – по пути чрезмерной эксплуатации природы и человека. Здесь зафиксирован один из самых низких показателей заработной платы работников сельского хозяйства, который уступает уровню менее успешного четвертого кластера.

На наш взгляд, потенциал именно этих регионов, обладающих значительными сельскохозяйственными угодьями и составляющих костяк аграрного сектора России, следует максимально задействовать для решения задачи продовольственной самодостаточности страны. Первые два кластера, о которых шла речь выше, уже приблизились к максимальным параметрам использования природных и социальных ресурсов и почти достигли предела роста продуктивности. Но применяемый в этих двух случаях «рецепт успеха», когда в роли

драйвера аграрного развития выступал крупный бизнес, в данном случае вряд ли годится. Риски ведения сельского хозяйства в регионах третьего кластера намного выше, чем на Кубани или в черноземной полосе Центральной России, что серьезно ослабляет их инвестиционную привлекательность для крупнейших компаний и агрохолдингов. В связи с этим представляется необходимым создать условия для развития средних и малых хозяйств, в том числе семейных, на новом качественном уровне. Предстоит принять меры для повышения доступности кредитных средств для данной группы сельхозпроизводителей, а также обеспечить организационно-техническую поддержку их хозяйственной деятельности. А именно, нужно стимулировать формирование кооперативных или интегративных механизмов снабжения ресурсами и предоставления технического обслуживания, создание коллективных мощностей по переработке продукции и инфраструктуры ее реализации с акцентом на расширение действующих каналов сбыта и на открытие новых рынков для небольших партий продовольственных товаров.

Четвертый кластер образуют северо-западные и восточные территории и районы Нечерноземья. Как отмечает Т.Г. Нефедова [4], различия между севером и югом страны по степени сельскохозяйственной освоенности и характеру расселения связаны с природной рентой и сложились исторически. Не менее выразительны и различия в инфраструктурной обустроенности, которые также имеют выраженный ингредиент «север – юг». Анализ пространственных процессов последних лет позволил Т.Г. Нефедовой выдвинуть гипотезу о том, что «посткризисный рост агропроизводства происходил в отдельных ареалах при экономической депрессии на огромной территории. Налицо пространственное сжатие сельского хозяйства» (с. 163). Так, в типично нечерноземной Костромской области, вошедшей в четвертый кластер регионов, шли постоянное сокращение сельскохозяйственного производства, уменьшение поголовья крупного рогатого скота и посевных площадей. Однако объем производства сокращался более медленными темпами, что свидетельствует о наличии некоторых жизнеспособных очагов при общем сжатии пространства сельскохозяй-

ственной деятельности. Пространственные «подвижки» последних 20 лет связаны, по мнению Т.Г. Нефедовой, с тем, что хозяйственная деятельность вне городов приходит во все большее соответствие с наличием природного и человеческого потенциалов.

В четвертый кластер вошли также регионы неаграрного профиля: Калужская, Кемеровская и Томская области, которые специализируются главным образом на промышленном производстве и/или на освоении природных ресурсов. По конкурентоспособности аграрный сектор уступает ведущим отраслям этих регионов, что отражается в низких показателях объема инвестиций в сельское хозяйство. Во всех трех названных областях эти показатели в 2012 г. находились примерно на одном уровне: 2,2 млрд руб. в год в Калужской области, 2,8 млрд – в Кемеровской, 1,9 млрд руб. – в Томской. В то же время ценность сельскохозяйственных земель в регионах, расположенных в европейской части России, оценивается бизнесом весьма высоко. Но речь идет скорее не о текущей их стоимости, а о перспективах ее роста, в том числе посредством перевода этих земель в другую категорию. Так, в начале 2010 г. в Калужской области треть (31%) сельскохозяйственных угодий находилась в собственности юридических лиц – и половина этой земли не обрабатывалась. В Ярославской области за юридическими лицами было закреплено 36,6% угодий, при этом третья их часть (29%) также не использовалась в хозяйственном обороте [10].

Пятый кластер сельских территорий по своему географическому положению занимает приграничные территории Сибири и Дальнего Востока, а также Республику Калмыкию и ряд республик Северного Кавказа. В этой группе 30% всех сельскохозяйственных организаций убыточны. Инвестиции в основной капитал минимальные. Здесь производится менее 10% всей сельскохозяйственной продукции страны, производство животноводческой продукции нерентабельно, надои молока одни из самых низких. Основными товаропроизводителями в этих регионах являются хозяйства населения и фермерские хозяйства, которые в совокупности дают около 80% производимой здесь сель-

скохозяйственной продукции. Среднемесячная заработная плата работников сельского хозяйства не превышает 10 тыс. руб.

Например, в Забайкальском крае, где мы побывали во время социологической экспедиции, многие коллективные хозяйства, оказавшись лишенными государственной поддержки, «канули в лету». Плодородные приграничные земли осваиваются преимущественно местным населением. Не ограниченные сверху в размерах и не облагаемые налогом (не считая налога на землю), личные подсобные хозяйства населения стали главным производителем сельскохозяйственной продукции на обширных территориях восточного приграничья. Несмотря на то что в Забайкальском крае делаются попытки восстановить племенное животноводство, в том числе овцеводство, и наладить производство тонкорунной шерсти, низкие закупочные цены на мясо и шерсть, обусловленные, в частности, нехваткой перерабатывающих мощностей на территории Забайкалья, ставят местных крупных сельхозпроизводителей в зависимость от заготовителей из других регионов России и сопредельного Китая. Их роль «сырьевого придатка» вкупе с технической отсталостью и крайне низкими расценками на сельскохозяйственный труд не позволяет им организовать рентабельное и устойчивое производство [8].

Ясных перспектив и механизмов развития приграничных территорий на основе взаимовыгодного партнерства с Китаем или Монголией нет. Рассчитывать на промышленный бум в обозримой перспективе местному населению не приходится. Поэтому личные подворья стали для многих семей единственной сферой занятости и источником средств существования. Местные власти такое положение дел вполне устраивает, так как худо-бедно осуществляется социальный контроль над территорией, а приграничью не грозит полное обезлюдение. Брошенные на произвол судьбы забайкальцы не идентифицируют себя ни с Сибирским федеральным округом, ни с Дальним Востоком. Для них родным остается Байкальский край. Но как гласит народная пословица, «свято место пусто не бывает». Хотя явной экспансии со стороны китайцев местное население не наблюдает, китайцы готовы арендовать обширные плодородные земли забай-

кальского приграничья на длительный срок, но ждут гарантий и компенсаций. Пока же им разрешено вести совместные предприятия. В настоящее время в регионе развиваются тепличные хозяйства под руководством китайских фермеров. Однако, по результатам мониторинга управления Россельхознадзора по Забайкальскому краю, в них зафиксированы случаи превышения содержания химических веществ в готовой продукции, нарушения в обращении с пестицидами и удобрениями, которые также завозятся (иногда нелегально) из сопредельного государства [3].

Местное население беспокоит также новая угроза – среднеазиатская экспансия. В поисках лучшей доли из бывших среднеазиатских союзных республик мигранты приезжают целыми семьями и оседают в Забайкалье на постоянное жительство. Другими словами, восточное приграничье России активно осваивается гражданами сопредельных государств. Очевидно, что трансграничное сотрудничество требует четкого законодательного регулирования и пристального внимания со стороны как местных властей, так и федерального центра.

Экстремально низкие показатели развития аграрного производства отмечаются в шестом кластере. Производство сельскохозяйственной продукции здесь сосредоточено в основном в хозяйствах населения и фермерских хозяйствах. Доля сельскохозяйственных организаций, половина из которых убыточны, незначительна. В них производится менее 15% сельхозпродукции. Территориально этот кластер весьма разнороден. Он включает в себя как отдаленные северо-восточные территории – Республику Саха (Якутия) и Магаданскую область, так и часть южных регионов – Астраханскую область, Чеченскую Республику и Республику Дагестан. Специфика указанных территорий требует неординарных подходов в выборе форм и механизмов государственной поддержки сельхозпроизводителей.

* * *

Кластеризация сельских регионов России показала существующие социально-экономические контрасты в их развитии. Т.Г. Нефедо-

ва выделяет три главных фактора, определяющих специфику развития сельских регионов. Это *природные условия*, влияющие на характер освоения территории, условия жизни населения и ресурсы ключевых отраслей сельской экономики, *экономико-географическое положение*, прежде всего удаленность от городов и транспортных магистралей, и *этнический состав населения*, влияющий на культурно-исторические особенности освоения территории, поведение населения и региональных элит [4]. Выполненная нами кластеризация сельских территорий России отчасти коррелирует с этими выводами. Так, наиболее успешные сельские регионы расположены в благоприятной природно-климатической зоне, представлены южными и центрально-европейскими регионами (первый и второй кластеры), тяготеют к крупным агломерациям и транспортным магистралям.

Исследование показало, что важными факторами дифференциации сельских регионов являются также объем инвестиций в основной капитал и характер политики, осуществляемой властями в отношении агропродовольственного комплекса. Наряду с крупными сельхозпроизводителями значительную роль в обеспечении продовольственной безопасности регионов по-прежнему играют хозяйства населения. Их доля в общем объеме сельскохозяйственного производства колеблется от 35 до 65%. Вклад крестьянских (фермерских) хозяйств не столь значителен. Они специализируются в основном на производстве зерна. Многоукладность сельскохозяйственного производства обеспечивает гибкость, устойчивость развития сельских территорий, в том числе в кризисный период. Практика показала, что ориентация государства на преимущественную поддержку крупных товаропроизводителей не является оптимальной, так как недоиспользуется потенциал малых форм хозяйствования, которые выполняют роль социального буфера в условиях турбулентности рынка.

Перспективы абсолютного большинства деревень ухудшаются из-за их невыгодного транспортно-географического положения, не позволяющего расширить перечень драйверов развития. А это значит, что они объективно обречены в лучшем случае на стагнирование. Единственный шанс – поиск новых индивидуальных ниш для извле-

чения доходов. Производство экологически чистой сельскохозяйственной продукции (такая мысль была высказана Н.Е. Покровским [5]), конечно, возможно, но цена ее будет велика и она вряд ли выдержит конкуренцию с аналогичной продукцией, которая производится гораздо ближе к конечному потребителю. Развитие туризма тоже возможно, но отсутствие в настоящее время какой бы то ни было инфраструктуры сдвигает реализацию этого варианта на долгосрочную перспективу [7].

Экономические санкции и последовавшее за ними продовольственное эмбарго предоставили аграрному сектору страны исторический шанс доказать свою способность быстро адаптироваться к изменяющимся условиям и решить задачу обретения продовольственной независимости и самообеспечения страны.

Статья подготовлена по плану НИР ИЭОПП СО РАН в рамках приоритетного направления IX.93 (проект IX.93.1.1)

Список источников

1. *Алейник С.* Нам есть чем накормить страну // Белгородский агромир. – 2014. – № 5 (86). – С. 6–13.
2. *Веселова Э.Ш.* Что делает Татарстан успешным регионом // ЭКО. – 2015. – № 1. – С. 5–24.
3. *Забелина И.А., Клевакина Е.А.* Приграничное сотрудничество и его влияние на качество экономического роста (на примере Забайкальского края) // ЭКО. – 2013. – № 5. – С. 108–123.
4. *Нефедова Т.Г.* Десять актуальных вопросов о сельской России: Ответы географа. – М.: ЛЕНАНД, 2013. – 456 с.
5. *Покровский Н.Е.* Перспективы российского Севера: сельские сообщества // Мир России. – 2008. – № 4. – С. 111–134.
6. *Савченко Е.С.* «Созидать вместе на благо каждого»: Отчет Губернатора Белгородской области Е.С. Савченко о результатах деятельности Правительства области в 2014 году (19.02.2015 г.) (стенограмма с сокращениями) // Белгородский агромир. – 2015. – № 1 (89). – С. 4–19.
7. *Смирнов С.Н.* Российская деревня: вечное на фоне трансформаций: Заметки непрофессионала // Мир России. – 2013. – № 4. – С. 61–83.

8. *Фадеева О.П.* Приграничные сельские территории Забайкалья: развитие или деградация? (заметки социолога) // ЭКО. – 2014. – № 11. – С. 36–54.

9. *Фадеева О.П.* Социально-экономический потенциал сельской многоукладности (на примере Белгородской области) // Регион: экономика и социология. – 2012. – № 4. – С. 139–160.

10. *Шагайда Н.И.* Земли сельскохозяйственного назначения: 20 лет спустя // ЭКО. – 2013. – № 5. – С. 5–22.

Информация об авторах

Калугина Земфира Ивановна (Россия, Новосибирск) – доктор социологических наук, главный научный сотрудник. Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН (630090, Новосибирск, пр. Акад. Лаврентьева, 17, e-mail: zima@ieie.nsc.ru).

Фадеева Ольга Петровна (Россия, Новосибирск) – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник. Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН (630090, Новосибирск, пр. Акад. Лаврентьева, 17, e-mail: fadeeva_ol@mail.ru).

Братющенко Светлана Вадимовна (Россия, Новосибирск) – научный сотрудник. Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН (630090, Новосибирск, пр. Акад. Лаврентьева, 17, e-mail: bsv775@yandex.ru).

DOI: 10.15372/REG20150905

Region: Economics and Sociology, 2015, No. 3 (87), p. 123–145

Z.I. Kalugina, O.P. Fadeeva, S.V. Bratyushchenko

SOCIO-ECONOMIC POLARIZATION OF RURAL AREAS IN RUSSIA

The article presents the results following the clustering of Russian rural regions according to socio-demographic and economic criteria by K-average method. We have identified factors for the regional polarization of the agro-food

complex. The paper shows that rural areas in Russia are polarized due to climatic, geographic, ethnic, and economic factors that define the potential for rural development. Economic clustering of regions is based on the amount of investment, performance and profitability of agriculture, as well as on the structure by the nature of households. The potential for the development of regions has a substantial socio-economic character. The article demonstrates that the development of human potential and rural development are interrelated and interdependent. The map illustrates how the identified clusters are located in terms of geography. The database of the research comprises statistics and materials of special selected studies carried out by the state statistical agencies of the Russian Federation. The results of our analysis may be of benefit to the executive authorities when designing programs for socio-economic development of rural areas and validating strategies for the reindustrialization of agro-industry.

Keywords: socio-economic polarization, clustering of regions, socio-demographic potential, labor potential, prospects for development

The publication is prepared within the priority IX.93 (project No. IX.93.1.1) according to the research plan of the IEIE SB RAS

References

1. *Aleynik, S.* (2014). Nam est chem nakormit stranu [We have enough food to feed the country]. Belgorodskiy agromir [Belgorod Agroworld], 5 (86), 6–13.
2. *Veselova, E.Sh.* (2015). Chto delaet Tatarstan uspehnym regionom [Why the Republic of Tatarstan is a successful region]. EKO, 1, 5–24.
3. *Zabelina, I.A. & Ye.A. Klevakina.* (2013). Prigranichnoe sotrudnichestvo i ego vliyanie na kachestvo ekonomicheskogo rosta (na primere Zabaykalskogo kraya) [The international economic co-operation and its influence on quality of economic growth: a case study of Zabaikalskiy Krai]. EKO, 5, 108–123.
4. *Nefedova, T.G.* (2013). Desyat aktualnykh voprosov o selskoy Rossii. Otvety geografa [Ten Topical Questions about Rural Russia: Answers of the Geographer]. Moscow, LENAND Publ., 456.
5. *Pokrovskiy, N.Ye.* (2008). Perspektivy rossiyskogo Severa: selskie soobshchestva [The Prospects of the Russian North for the Rural Communities]. Mir Rossii [Universe of Russia], 4.
6. *Savchenko, Ye.S.* (2015). «Sozidat vmeste na blago kazhdogo». Otchet Gubernatora Belgorodskoy oblasti Ye.S. Savchenko o rezultatakh deyatelnosti Pravitelstva

oblasti v 2014 gody (19.02.2015 g.) (stenogramma s sokrashcheniyami) [«Create together for everyone's benefit». Report of the Governor of Belgorod Oblast Ye.S. Savchenko on the performance of the Government of Belgorod Oblast in 2014 (19.02.2015) (abridged transcript)]. Belgorodskiy agromir [Belgorod Agroworld], 1 (89), 4–19.

7. *Smirnov, S.N.* (2013). Rossiyskaya derevnya: vechnoe na fone transformatsiy. Zametki neprofessionalnaya [The Russian village: persistence against transformation. The notes of an amateur]. Mir Rossii [Universe of Russia], 4, 61–83.

8. *Fadeeva, O.P.* (2014). Prigranichnye selskie territorii Zabaykaliya: razvitie ili degradatsiya? (zametki sotsiologa) [Border rural areas of Transbaikalia: development or degradation? (notes of sociologist)]. EKO, 11, 36–54.

9. *Fadeeva, O.P.* (2012). Sotsialno-ekonomicheskiy potentsial selskoy mnogoukladnosti (na primere Belgorodskoy oblasti) [Socio-economic potential of multiple patterns of life in rural areas (a case-study for the Belgorod Oblast)]. Region: ekonomika i sotsiologiya [Region: Economics and Sociology], 4, 139–160.

10. *Shagayda, N.I.* (2013). Zemli selskokhozyaystvennogo naznacheniya: 20 let spustya [Agricultural land in Russia: 20 years after reform]. EKO, 5, 5–22.

Information about the authors

Kalugina, Zmfira Ivanovna (Novosibirsk, Russia) – Doctor of Sciences (Sociology), Chief Researcher at the Institute of Economics and Industrial Engineering, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (17, Ac. Lavrentiev av., Novosibirsk, 630090, Russia, e-mail: zima@ieie.nsc.ru).

Fadeeva, Olga Petrovna (Novosibirsk, Russia) – Candidate of Sciences (Sociology), Senior Researcher at the Institute of Economics and Industrial Engineering, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (17, Ac. Lavrentiev av., Novosibirsk, 630090, Russia, e-mail: fadeeva_ol@mail.ru).

Bratyushchenko, Svetlana Vadimovna (Novosibirsk, Russia) – Researcher at the Institute of Economics and Industrial Engineering, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (17, Ac. Lavrentiev av., Novosibirsk, 630090, Russia, e-mail: bsv775@yandex.ru).

Рукопись статьи поступила в редколлегию 01.06.2015 г.

© Калугина З.И., Фадеева О.П., Братющенко С.В., 2015